

Иван Тургенев

Стихотворения в прозе (сборник)

Иван Сергеевич Тургенев

Стихотворения в прозе (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172014

*И. С. Тургенев. Стихотворения в прозе: Детская литература;
ISBN 978-5-08-004239-3*

Аннотация

«Стихотворения в прозе» стали лебединой песней великого писателя. Это концентрированное выражение передуманного и прочувствованного им за всю насыщенную событиями и встречами жизнь. Просто и доверительно звучат раздумья о России, о мире, об одиночестве и старости, о любви и счастье, о вере, красоте и жертвенности, о чуткости и человечности. Возникает ощущение, что перед нами – личный дневник писателя...

Цикл Тургенева «Стихотворения в прозе» не предназначался для публикации, он писался что называется «для себя», для близкого окружения. Но редактор «Вестника Европы» М.М.Стасюлевич по дружбе уговорил Ивана Сергеевича опубликовать значительную часть этих лирических зарисовок и раздумий в его журнале, в 12-м номере за 1882 год.

Содержание

К читателю	4
Деревня	5
Разговор	8
Старуха	10
Собака	13
Соперник	14
Нищий	16
«Услышишь суд глупца...»	17
Довольный человек	19
Житейское правило	20
Конец света	21
Маша	24
Дурак	26
Восточная легенда	28
Два четверостишия	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

К читателю

Добрый мой читатель, не пробегай этих стихотворений сподряд: тебе, вероятно, скучно станет – и книга вывалится у тебя из рук. Но читай их враздробь: сегодня одно, завтра другое, – и которое-нибудь из них, может быть, заронит тебе что-нибудь в душу.

Деревня

Последний день июня месяца; на тысячу верст кругом Россия – родной край.

Ровной синевой залито всё небо; одно лишь облачко на нем – не то плывет, не то тает. Безветрие, теплынь... воздух – молоко парное!

Жаворонки звенят; воркуют зобастые голуби; молча реют ласточки; лошади фыркают и жуют; собаки не лают и стоят, смирно повиливая хвостами.

И дымком-то пахнет, и травой – и дегтем маленько – и маленько кожей. Конопляники уже вошли в силу и пускают свой тяжелый, но приятный дух.

Глубокий, но пологий овраг. По бокам в несколько рядов головастые, книзу исщепленные ракиты. По оврагу бежит ручей; на дне его мелкие камешки словно дрожат сквозь светлую рябь. Вдали, на конце-крае земли и неба – синеватая черта большой реки.

Вдоль оврага – по одной стороне опрятные амбарчики, клетушки с плотно закрытыми дверями; по другой стороне пять-шесть сосновых изб с тесовыми крышами. Над каждой крышей высокий шест скворечницы; над каждым крылечком вырезной железный крутогравый конек. Неровные стекла окон отливают цветами радуги. Кувшины с букетами на-малеваны на ставнях. Перед каждой избой чинно стоит ис-

правная лавочка; на завалинках кошки свернулись клубочком, насторожив прозрачные ушки; за высокими порогами прохладно темнеют сени.

Я лежу у самого края оврага на разостланной попоне; кругом целые вороха только что скошенного, до истомы душистого сена. Догадливые хозяева разбросали сено перед избами: пусть еще немного посохнет на припеке, а там и в сарай! То-то будет спать на нем славно!

Курчавые детские головки торчат из каждого вороха; хохлатые курицы ищут в сене мошек да букашек; белогубый щенок барахтается в спутанных былинках.

Русокудрые парни, в чистых низко подпоясанных рубахах, в тяжелых сапогах с оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телегу, – зубоскалят.

Из окна выглядывает круглолицая молодка; смеется не то их словам, не то возне ребят в наваленном сене.

Другая молодка сильными руками тащит большое мокрое ведро из колодца... Ведро дрожит и качается на веревке, роняя длинные огнистые капли.

Передо мной стоит старуха-хозяйка в новой клетчатой пачке, в новых котах.

Крупные дутые бусы в три ряда обвилились вокруг смуглой худой шеи; седая голова повязана желтым платком с красными крапинками; низко навис он над потускневшими глазами.

Но приветливо улыбаются старческие глаза; улыбается всё

морщинистое лицо. Чай, седьмой десяток доживает старушка... а и теперь еще видать: красавица была в свое время!

Растопылив загорелые пальцы правой руки, держит она горшок с холодным неснятым молоком, прямо из погреба; стенки горшка покрыты росинками, точно бисером. На ладони левой руки старушка подносит мне большой ломоть еще теплого хлеба. «Кушай, мол, на здоровье, заезжий гость!»

Петух вдруг закричал и хлопотливо захлопал крыльями; ему в ответ, не спеша, промычал запертой теленок.

– Ай да овес! – слышится голос моего кучера.

О, довольство, покой, избыток русской вольной деревни! О, тишь и благодать!

И думается мне: к чему нам тут и крест на куполе Святой Софии в Царь-Граде и всё, чего так добиваемся мы, городские люди?

Февраль, 1878

Разговор

Ни на Юнгфрау, ни на Финстерааргорне еще не бывало человеческой ноги.

Вершины Альп... Целая цепь крутых уступов... Самая сердцевина гор.

Над горами бледно-зеленое, светлое, немое небо. Сильный, жесткий мороз; твердый, искристый снег; из-под снега торчат суровые глыбы обледенелых, обветренных скал.

Две громады; два великана вздымаются по обеим сторонам небосклона: Юнгфрау и Финстерааргорн.

И говорит Юнгфрау соседу:

– Что скажешь нового? Тебе видней. Что там внизу?

Проходят несколько тысяч лет – одна минута. И грохочет в ответ Финстерааргорн:

– Сплошные облака застилают землю... Погоди!

Проходят еще тысячелетия – одна минута.

– Ну, а теперь? – спрашивает Юнгфрау.

– Теперь вижу; там внизу все то же: пестро, мелко. Воды синеют; чернеют леса; сереют груды скученных камней. Около них всё еще копошатся козьявки, знаешь, ты двуножки, что еще ни разу не могли осквернить ни тебя, ни меня.

– Люди?

– Да; люди.

Проходят тысячи лет – одна минута.

– Ну, а теперь? – спрашивает Юнгфрау.

– Как будто меньше видать козявок, – гремит Финстерааргорн. – Яснее стало внизу; сузились воды; поредели леса.

Прошли еще тысячи лет – одна минута.

– Что ты видишь? – говорит Юнгфрау.

– Около нас, вблизи, словно прочистилось, – отвечает Финстерааргорн, – ну, а там, вдали, по долинам есть еще пятна и шевелится что-то.

– А теперь? – спрашивает Юнгфрау, спустя другие тысячи лет – одну минуту.

– Теперь хорошо, – отвечает Финстерааргорн, – опрятно стало везде, бело совсем, куда ни глянь... Везде наш снег, ровный снег и лед. Застыло всё. Хорошо теперь, спокойно.

– Хорошо, – промолвила Юнгфрау. – Однако довольно мы с тобой поболтали, старик. Пора вздремнуть.

– Пора.

Спят громадные горы; спит зеленое светлое небо над навсегда замолкшей землей.

Февраль, 1878

Старуха

Я шел по широкому полю, один.

И вдруг мне почудились легкие, осторожные шаги за моей спиной... Кто-то шел по моему следу.

Я оглянулся – и увидал маленькую, сгорбленную старушку, всю закутанную в серые лохмотья. Лицо старушки одно виднелось из-под них: желтое, морщинистое, востроносое, беззубое лицо.

Я подошел к ней... Она остановилась.

– Кто ты? Чего тебе нужно? Ты нищая? Ждешь милостыни?

Старушка не отвечала. Я наклонился к ней и заметил, что оба глаза у ней были застланы полупрозрачной, беловатой перепонкой, или плевой, какая бывает у иных птиц: они защищают ею свои глаза от слишком яркого света.

Но у старушки та плева не двигалась и не открывала зенниц... из чего я заключил, что она слепая.

– Хочешь милостыни? – повторил я свой вопрос. – Зачем ты идешь за мною? – Но старушка по-прежнему не отвечала, а только съежилась чуть-чуть.

Я отвернулся от нее и пошел своей дорогой.

И вот опять слышу я за собой те же легкие, мерные, словно крадущиеся шаги.

«Опять эта женщина! – подумалось мне. – Что она ко мне

пристала? – Но я тут же мысленно прибавил: – Вероятно, она сослепу сбилась с дороги, идет теперь по слуху за моими шагами, чтобы вместе со мною выйти в жилое место. Да, да; это так».

Но странное беспокойство понемногу овладело моими мыслями: мне начало казаться, что старушка не идет только за мною, но что она направляет меня, что она меня толкает то направо, то налево, и что я невольно повинуюсь ей.

Однако я продолжаю идти... Но вот впереди на самой моей дороге что-то чернеет и ширится... какая-то яма...

«Могила! – сверкнуло у меня в голове. – Вот куда она толкает меня!»

Я круто поворачиваю назад... Старуха опять передо мною... но она видит! Она смотрит на меня большими, злыми, зловещими глазами... глазами хищной птицы... Я надвигаюсь к ее лицу, к ее глазам... Опять та же тусклая плева, тот же слепой и тупой облик.

«Ах! – думаю я... – эта старуха – моя судьба. Та судьба, от которой не уйти человеку!»

«Не уйти! не уйти! Что за сумасшествие?... Надо попытаться». И я бросаюсь в сторону, по другому направлению.

Я иду проворно... Но легкие шаги по-прежнему шелестят за мною, близко, близко... И впереди опять темнеет яма.

Я опять поворачиваю в другую сторону... И опять тот же шелест сзади и то же грозное пятно впереди.

И куда я ни мечусь, как заяц на угонках... всё то же, то же!

«Стой! – думаю я. – Обману же я ее! Не пойду я никуда!»
– и я мгновенно сажусь на землю.

Старуха стоит позади, в двух шагах от меня. Я ее не слышу, но я чувствую, что она тут.

И вдруг я вижу: то пятно, что чернело вдали, плывет, ползет само ко мне!

Боже! Я оглядываюсь назад... Старуха смотрит прямо на меня – и беззубый рот скривлен усмешкой...

– Не уйдешь!

Февраль, 1878

Собака

Нас двое в комнате: собака моя и я. На дворе воет страшная, неистовая буря.

Собака сидит передо мною – и смотрит мне прямо в глаза.

И я тоже гляжу ей в глаза.

Она словно хочет сказать мне что-то. Она немая, она без слов, она сама себя не понимает – но я ее понимаю.

Я понимаю, что в это мгновение и в ней и во мне живет одно и то же чувство, что между нами нет никакой разницы. Мы торжественны; в каждом из нас горит и светится тот же трепетный огонек.

Смерть налетит, махнет на него своим холодным широким крылом...

И конец!

Кто потом разберет, какой именно в каждом из нас горел огонек?

Нет! это не животное и не человек меняются взглядами...

Это две пары одинаковых глаз устремлены друг на друга.

И в каждой из этих пар, в животном и в человеке – одна и та же жизнь жметя пугливо к другой.

Февраль, 1878

Соперник

У меня был товарищ – соперник; не по занятиям, не по службе или любви; но наши воззрения ни в чем не сходились, и всякий раз, когда мы встречались, между нами возникали нескончаемые споры.

Мы спорили обо всем: об искусстве, о религии, о науке, о земной и загробной – особенно о загробной жизни.

Он был человек верующий и восторженный. Однажды он сказал мне:

– Ты надо всем смеешься; но если я умру прежде тебя, то я явлюсь к тебе с того света... Увидим, засмеешься ли ты тогда?

И он, точно, умер прежде меня, в молодых годах еще будучи; но прошли года – и я позабыл об его обещании, об его угрозе.

Раз, ночью, я лежал в постели – и не мог, да и не хотел заснуть.

В комнате было ни темно, ни светло; я принялся глядеть в седой полумрак.

И вдруг мне почудилось, что между двух окон стоит мой соперник – и тихо и печально качает сверху вниз головою.

Я не испугался – даже не удивился... но, приподнявшись слегка и опершись на локоть, стал еще пристальнее глядеть на неожиданно появившуюся фигуру.

Тот продолжал качать головою.

– Что? – промолвил я наконец. – Ты торжествуешь? или жалеешь? Что это: предостережение или упрек?... Или ты мне хочешь дать понять, что ты был неправ? что мы оба неправы? Что ты испытываешь? Муки ли ада? Блаженство ли рая? Промолви хоть слово?

Но мой соперник не издал ни единого звука – и только по-прежнему печально и покорно качал головою – сверху вниз.

Я засмеялся... он исчез.

Февраль, 1878

Нищий

Я проходил по улице... меня остановил нищий, дряхлый старик.

Воспаленные, слезливые глаза, посинелые губы, шершавые лохмотья, нечистые раны... О, как безобразно обглодала бедность это несчастное существо!

Он протягивал мне красную, опухшую, грязную руку... Он стонал, он мычал о помощи.

Я стал шарить у себя во всех карманах... Ни кошелька, ни часов, ни даже платка... Я ничего не взял с собою.

А нищий ждал... и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала.

Потерянный, смущенный, я крепко пожал эту грязную, трепетную руку...

– Не взыщи, брат; нет у меня ничего, брат.

Нищий уставил на меня свои воспаленные глаза; его синие губы усмехнулись – и он в свою очередь стиснул мои похолодевшие пальцы.

– Что же, брат, – прошамкал он, – и на том спасибо. Это тоже подаяние, брат.

Я понял, что и я получил подаяние от моего брата.

Февраль, 1878

«Услышишь суд глупца...»

Пушкин

Ты всегда говорил правду, великий наш певец; ты сказал ее и на этот раз.

«Суд глупца и смех толпы»... Кто не изведал и того и другого?

Всё это можно – и должно переносить; а кто в силах – пусть презирает!

Но есть удары, которые больнее бьют по самому сердцу. Человек сделал всё что мог; работал усиленно, любовно, честно... И честные души гадливо отворачиваются от него; честные лица загораются негодованием при его имени.

– Удались! Ступай вон! – кричат ему честные молодые голоса. – Ни ты нам не нужен, ни твой труд; ты оскверняешь наше жилище – ты нас не знаешь и не понимаешь... Ты наш враг!

Что тогда делать этому человеку? Продолжать трудиться, не пытаться оправдываться – и даже не ждать более справедливой оценки.

Некогда землепашцы проклинали путешественника, принесшего им картофель, замену хлеба, ежедневную пищу бедняка. Они выбивали из протянутых к ним рук драгоценный дар, бросали его в грязь, топтали ногами.

Теперь они питаются им – и даже не ведают имени своего

благодетеля.

Пускай! На что им его имя? Он, и безымянный, спасает их от голода.

Будем стараться только о том, чтобы приносимое нами было точно полезною пищей.

Горька неправая укоризна в устах людей, которых любишь... Но перенести можно и это...

«Бей меня! но выслушай!» – говорил афинский вождь спартанскому.

«Бей меня – но будь здоров и сыт!» – должны говорить мы.

Февраль, 1878

Довольный человек

По улице столицы мчится вприпрыжку молодой еще человек. Его движения веселы, бойки; глаза сияют, ухмыляются губы, приятно алеет умиленное лицо... Он весь – довольство и радость.

Что с ним случилось? Досталось ли ему наследство? Повысили ли его чином? Спешит ли он на любовное свиданье? Или просто он хорошо позавтракал – и чувство здоровья, чувство сытой силы разыграло во всех его членах? Уж не возложили ли на его шею твой красивый осьмиугольный крест, о польский король Станислав!

Нет. Он сочинил клевету на знакомого, распространил ее тщательно, услышал ее, эту самую клевету, из уст другого знакомого – и *сам ей поверил*.

О, как доволен, как даже добр в эту минуту этот милый, многообещающий молодой человек!

Февраль, 1878

Житейское правило

– Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику, – говорил мне один старый пройдоха, – то упрекайте его в том самом недостатке или пороке, который вы за собою чувствуете. Негодуйте... и упрекайте!

Во-первых – это заставит других думать, что у вас этого порока нет.

Во-вторых – негодование ваше может быть даже искренним... Вы можете воспользоваться укорами собственной совести.

Если вы, например, ренегат, – упрекайте противника в том, что у него нет убеждений!

Если вы сами лакей в душе, – говорите ему с укоризной, что он лакей... лакей цивилизации, Европы, социализма!

– Можно даже сказать: лакей безлакейства! – заметил я.

– И это можно, – подхватил пройдоха.

Февраль, 1878

Конец света

Сон

Чудилось мне, что я нахожусь где-то в России, в глуши, в простом деревенском доме.

Комната большая, низкая, в три окна; стены вымазаны белой краской; мебели нет. Перед домом голая равнина; постепенно понижаясь, уходит она вдаль; серое, одноцветное небо висит над нею как полог.

Я не один; человек десять со мною в комнате. Люди все простые, просто одетые; они ходят вдоль и поперек, молча, словно крадучись. Они избегают друг друга – и, однако, беспрестанно меняются тревожными взорами.

Ни один не знает: зачем он попал в этот дом и что за люди с ним? На всех лицах беспокойство и унылость... все поочередно подходят к окнам и внимательно оглядываются, как бы ожидая чего-то извне.

Потом опять принимаются бродить вдоль и поперек. Между нами вертится небольшого росту мальчик; от времени до времени он пищит тонким, однозвучным голоском: «Тятенька, боюсь!» – Мне тошно на сердце от этого писку – и я тоже начинаю бояться... чего? не знаю сам. Только я

чувствую; идет и близится большая, большая беда.

А мальчик нет, нет – да запищит. Ах, как бы уйти отсюда! Как душно! Как томно! Как тяжело!... Но уйти невозможно.

Это небо – точно саван. И ветра нет... Умер воздух, что ли?

Вдруг мальчик подскочил к окну и закричал тем же жалобным голосом:

– Гляньте! гляньте! земля провалилась!

– Как? провалилась?!

Точно: прежде перед домом была равнина, а теперь он стоит на вершине страшной горы! Небосклон упал, ушел вниз, а от самого дома спускается почти отвесная, точно разрытая, черная круча.

Мы все столпились у окон... Ужас леденит наши сердца.

– Вот оно... вот оно! – шепчет мой сосед.

И вот вдоль всей далекой земной грани зашевелилось что-то, стали подниматься и падать какие-то небольшие кругловатые бугорки.

«Это – море! – подумалось всем нам в одно и то же мгновение. Оно сейчас нас всех затопит... Только как же оно может расти и подниматься вверх? На эту кручу?»

И, однако, оно растет, растет громадно... Это уже не отдельные бугорки мечутся вдали... Одна сплошная чудовищная волна обхватывает весь круг небосклона.

Она летит, летит на нас! Морозным вихрем несется она, крутится тьмой крошечной. Всё задрожало вокруг – а там, в

этой налетающей громаде, и треск, и гром, и тысячегортанный, железный лай...

Га! Какой рев и вой! Это земля завывала от страха...

Конец ей! Конец всему!

Мальчик пискнул еще раз... Я хотел было ухватиться за товарищей, но мы уже все раздавлены, погребены, потоплены, унесены той, как чернила черной, льдистой, грохочущей волной!

Темнота... темнота вечная!

Едва переводя дыхание, я проснулся.

Март, 1878

Маша

Проживая – много лет тому назад – в Петербурге, я, всякий раз как мне случалось нанимать извозчика, вступал с ним в беседу.

Особенно любил я беседовать с ночными извозчиками, бедными подгородными крестьянами, прибывавшими в столицу с окрашенными вохрой санишками и плохой клячонкой – в надежде и самим прокормиться и собрать на оброк господам.

Вот однажды нанял я такого извозчика... Парень лет двадцати, рослый, статный, молодец молодцом; глаза голубые, щеки румяные; русые волосы вьются колечками из-под надвинутой на самые брови заплатанной шапонишки. И как только налез этот рваный армячишко на эти богатырские плеча!

Однако красивое безбородое лицо извозчика казалось печальным и хмурым.

Разговорился я с ним. И в голосе его слышалась печаль.

– Что, брат? – спросил я его. – Отчего ты не весел? Али горе есть какое?

Парень не тотчас отвечал мне.

– Есть, барин, есть, – промолвил он наконец. – Да и такое, что лучше быть не надо. Жена у меня померла.

– Ты ее любил... жену-то свою?

Парень не обернулся ко мне; только голову наклонил

немного.

– Любил, барин. Восьмой месяц пошел... а не могу забыть. Гложет мне сердце... да и ну! И с чего ей было помирать-то? Молодая! здоровая!... В один день холера порешила.

– И добрая она была у тебя?

– Ах, барин! – тяжело вздохнул бедняк. – И как же дружно мы жили с ней! Без меня скончалась. Я как узнал здесь, что ее, значит, уже похоронили, – сейчас в деревню поспешил, домой. Приехал – а уж полночь стало. Вошел я к себе в избу, остановился посередке и говорю так-то тихохонько: «Маша! а Маша!» Только сверчок трещит. Заплакал я тутотка, сел на избяной пол – да ладонью по земле как хлопну! «Ненасытная, говорю, утроба!... Сожрала ты ее... сожри ж и меня! Ах, Маша!»

– Маша! – прибавил он внезапно упавшим голосом. И, не выпуская из рук веревочных вожжей, он выдавил рукавицей из глаз слезу, стряхнул ее, сбросил в сторону, повел плечами – и уж больше не произнес ни слова.

Слезая с саней, я дал ему лишний пятиалтынный. Он поклонился мне низехонько, взявшись обеими руками за шапку, – и поплелся шажком по снежной скатерти пустынной улицы, залитой седым туманом январского мороза.

Апрель, 1878

Дурак

Жил-был на свете дурак.

Долгое время он жил припеваючи; но понемногу стали доходить до него слухи, что он всюду слывет за безмозглого пошлеца.

Смутился дурак и начал печалиться о том, как бы прекратить те неприятные слухи?

Внезапная мысль озарила наконец его темный умишко... И он, нимало не медля, привел ее в исполнение.

Встретился ему на улице знакомый – и принялся хвалить известного живописца...

– Помилуйте! – воскликнул дурак. – Живописец этот давно сдан в архив... Вы этого не знаете? Я от вас этого не ожидал... Вы – отсталый человек.

Знакомый испугался – и тотчас согласился с дураком.

– Какую прекрасную книгу я прочел сегодня! – говорил ему другой знакомый.

– Помилуйте! – воскликнул дурак. – Как вам не стыдно? Никуда эта книга не годится; все на нее давно махнули рукою. Вы этого не знаете? Вы – отсталый человек.

И этот знакомый испугался – и согласился с дураком.

– Что за чудесный человек мой друг N. N.! – говорил дураку третий знакомый. – Вот истинно благородное существо!

– Помилуйте! – воскликнул дурак. – N. N. – заведомый

подлец! Родню всю ограбил. Кто ж этого не знает? Вы – отсталый человек!

Третий знакомый тоже испугался – и согласился с дураком, отступился от друга.

И кого бы, что бы ни хвалили при дураке – у него на всё была одна отповедь.

Разве иногда прибавит с укоризной:

– А вы всё еще верите в авторитеты?

– Злюка! Желчевик! – начинали толковать о дураке его знакомые. – Но какая голова!

– И какой язык! – прибавляли другие. – О, да он талант!

Кончилось тем, что издатель одной газеты предложил дураку заведовать у него критическим отделом.

И дурак стал критиковать всё и всех, нисколько не меняя ни манеры своей, ни своих восклицаний.

Теперь он, кричавший некогда против авторитетов, – сам авторитет – и юноши перед ним благоговеют и боятся его.

Да и как им быть, бедным юношам? Хоть и не следует, вообще говоря, благоговеть... но тут, поди, не возблагодарить – в отсталые люди попадаешь!

Житье дуракам между трусами.

Апрель, 1878

Восточная легенда

Кто в Багдаде не знает великого Джаффар, солнца все-ленной?

Однажды, много лет тому назад, – он был еще юношей, – прогуливался Джаффар в окрестностях Багдада.

Вдруг до слуха его долетел хриплый крик: кто-то отчаянно взывал о помощи.

Джаффар отличался между своими сверстниками благо-разумием и обдуманностью; но сердце у него было жалост-ливое – и он надеялся на свою силу.

Он побежал на крик и увидел дряхлого старика, притис-нутого к городской стене двумя разбойниками, которые его грабили.

Джаффар выхватил свою саблю и напал на злодеев: од-ного убил, другого прогнал.

Освобожденный старец пал к ногам своего избавителя и, облобызав край его одежды, воскликнул:

– Храбрый юноша, твое великодушие не останется без на-грады. На вид я – убогий нищий; но только на вид. Я человек не простой. Приходи завтра ранним утром на главный базар; я буду ждать тебя у фонтана – и ты убедишься в справедли-вости моих слов.

Джаффар подумал: «На вид человек этот нищий, точно; однако – всяко бывает. Отчего не попытаться?» – и отвечал:

– Хорошо, отец мой; приду.

Старик взглянул ему в глаза – и удалился.

На другое утро, чуть забрезжил свет, Джаффар отправился на базар. Старик уже ожидал его, облокотясь на мрачную чашу фонтана.

Молча взял он Джаффара за руку и привел его в небольшой сад, со всех сторон окруженный высокими стенами.

По самой середине этого сада, на зеленой лужайке, росло дерево необычайного вида.

Оно походило на кипарис; только листва на нем была лаврового цвета.

Три плода – три яблока – висело на тонких, кверху загнутых ветках; одно средней величины, продолговатое, молочно-белое; другое большое, круглое, ярко-красное; третье маленькое, сморщенное, желтоватое.

Всё дерево слабо шумело, хоть и не было ветра. Оно звенело тонко и жалобно, словно стеклянное; казалось, оно чувствовало приближение Джаффара.

– Юноша! – промолвил старец. – Сорви любой из этих плодов и знай: сорвешь и съешь белый – будешь умнее всех людей; сорвешь и съешь красный – будешь богат, как еврей Ротшильд; сорвешь и съешь желтый – будешь нравиться старым женщинам. Решайся!... и не мешкай. Через час и плоды завянут, и само дерево уйдет в немую глубь земли!

Джаффар понурил голову – и задумался.

– Как тут поступить? – произнес он вполголоса, как бы

рассуждая сам с собою. – Сделаешься слишком умным – пожалуй, жить не захочется; сделаешься богаче всех людей – будут все тебе завидовать; лучше же я сорву и съем третье, сморщенное яблоко!

Он так и поступил; а старец засмеялся беззубым смехом и промолвил:

– О мудрейший юноша! Ты избрал благую часть! На что тебе белое яблоко? Ты и так умнее Соломона. Красное яблоко также тебе не нужно... И без него ты будешь богат. Только богатству твоему никто завидовать не станет.

– Поведай мне, старец, – промолвил, встрепенувшись, Джаффар, – где живет почтенная мать нашего богоспасаемого халифа?

Старик поклонился до земли – и указал юноше дорогу.

Кто в Багдаде не знает солнца вселенной, великого, знаменитого Джаффара?

Апрель, 1878

Два четверостишия

Существовал некогда город, жители которого до того страстно любили поэзию, что если проходило несколько недель и не появлялось новых прекрасных стихов, – они считали такой поэтический неурожай общественным бедствием.

Они надевали тогда свои худшие одежды, посыпали пеплом головы – и, собираясь толпами на площадях, проливали слезы, горько роптали на музу, покинувшую их.

В один подобный злополучный день молодой поэт Юний появился на площади, переполненной скорбевшим народом.

Проворными шагами взобрался он на особенно устроенный амвон – и подал знак, что желает произнести стихотворение.

Ликторы тотчас замахали жезлами.

– Молчание! внимание! – зычно возопили они – и толпа затихла, выжидая.

– Друзья! Товарищи! – начал Юний громким, но не совсем твердым голосом:

Друзья! Товарищи! Любители стихов!
Поклонники всего, что стройно и красиво!
Да не смущает вас мгновенье грусти темной!
Придет желанный миг... и свет рассеет тьму!

Юний умолк... а в ответ ему, со всех концов площади, поднялся гам, свист, хохот.

Все обращенные к нему лица пылали негодованием, все глаза сверкали злобой, все руки поднимались, угрожали, сжимались в кулаки!

– Чем вздумал удивить! – ревели сердитые голоса. – Долой с амвона бездарного рифмоплета! Вон дурака! Гнилыми яблоками, тухлыми яйцами шута горохового! Подайте камней! Камней сюда!

Кубарем скатился с амвона Юний... но он еще не успел прибежать к себе домой, как до слуха его долетели раскаты восторженных рукоплесканий, хвалебных возгласов и кликов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.